

А Цзю повернулся, и ветка в его руке дрогнула. В воздухе заплыл тонкий аромат, а его взгляд упал на висок Тан Шаотана, где, не падая, замер лепесток.

В сердце А Цзю что-то ёкнуло. Он не мог понять, раздражает ли его этот цветок, застывший в нерешительности, или же сам факт, что в волосах Тан Шаотана оказался сор. Непроизвольно он приподнял руку, чтобы смахнуть лепесток.

А Цзю...

Почти в тот же миг он остановил движение. Согнув пальцы, он почесал щёку, затем быстро убрал за спину внезапно ставшие неловкими руки и принялся раздражённо топтать ногой.

Его красивые, живые глаза, полные недовольства, с укором смотрели на Тан Шаотана, выражая явную досаду.

Тан Шаотан был в полном недоумении: «???»

А Цзю высокомерно ткнул подбородком в его сторону и язвительно указал: «У тебя на голове сор.»

Не дав Тан Шаотану опомниться, Фань Сяо взвизгнул: «У тебя на голове птичий помёт?!»

А Цзю...

Лицо А Цзю потемнело. Он оскалился и, обернувшись, съязвил: «Что это ты, барчук, поминал тут? Где твоё знатное воспитание?»

Когда Старейшина Цяо учил его этикету, то частенько в пример ставил юных господ и барышень из хороших семей. И вот теперь он увидел это воочию...

И это всё?

Фань Сяо, топая ногой, возразил: «А что? Мать моя рано умерла, а отец — человек простой, неучёный. Разве нельзя?»

С детства он безмерно восхищался своим старшим братом, Фань Мином, — не только его талантами, но и его характером, его безупречными, изысканными манерами. Мать Фань Сяо ушла рано, он был мал и почти не помнил её. С тех пор, как себя осознал, его растил отец. Возможно, поэтому с пелёнок он был дикарём, озорным и непослушным, не ведающим, что такое учтивость, и не умеющим говорить высоким слогом.

Но его брат, Фань Мин, был другим. Тот учился читать и писать под материнским крылом, и в нём воспитали ту самую учёность и благородство, которых так не хватало Фань Сяо и которым он так завидовал, сделав их своим идеалом.

Фань Сяо опустил голову и пробормотал: «Ну и что, что у тебя мать есть...»

А Цзю...

Тан Шаотан...

Оба одновременно замолчали, на лицах застыли сложные чувства.

Фань Сяо, не дождавшись ответа, недоумённо поднял голову. Его большие, чёрные, как смоль,

глаза забегали между ними — что-то тут было не так.

Он не чувствовал сочувствия. Вместо этого он уловил нечто иное...

Общность судьбы?

Фань Сяо...

На сей раз он проявил неожиданную тактичность и не стал копать глубже.

А Цзю вдруг протянул руку и накрыл ладонью голову Фань Сяо, сказав как ни в чём не бывало: «Пошли, хватит трепаться.»

Фань Сяо буркнул так тихо, что мог расслышать только сам: «Это же ты начал, сказал, что пахнет...»

А Цзю, обладая отменным слухом, услышал это. Наклонившись, он бросил на мальчишку свирепый взгляд. С лёгким шлейфом аромата османтуса его красивое личико внезапно оказалось в считанных цунях от Фань Сяо. Он замедлил речь, вкладывая в неё угрозу: «М-м? Что ты сказал?»

Фань Сяо...

Ладно, ты взрослый, ты всегда прав. Спорить не буду!

Жители городка Фэньюань жили тем, что давали горы и воды. Были среди них и знахари, что открывали лавки, торгуя полынью в надежде разбогатеть на скорую руку, но были и те, кто полагался на трудолюбие и терпение, — ремесленники, что стояли на земле твёрдо. Каменотёс, старик Нью, был из последних.

Гора Ушоу была суровой и крутой, с причудливыми пиками и диковинными камнями. Старик Нью и его предки из поколения в поколение кормились ремеслом — добывали и обрабатывали камень. Прожив больше пятидесяти лет, он никогда не видел тех страшных убийц, что, по слухам, обитали на Ушоу, и никогда не ступал в мир рек и озёр.

Он в этот мир не входил, но мир сам постучался в его калитку.

«Кто там?» — прохрипел старик Нью, открывая дверь.

За порогом стояли трое незваных гостей: двое юношей в белом да один мальчик.

Один из белоодетых был холоден и чист, как первый снег, молчалив и неразговорчив с виду.

Другой же с самого начала лишь рассеянно теребил в руках ветку османтуса, на лице — праздная усмешка, вид — будто и слушать никого не желает.

Ну а мальчик уже вовсю норовил протиснуться вперёд. Лицо круглое, рот раскрыт — многословный, ясно дело.

Старик Нью даром свой век не прожил. Богатый жизненный опыт подсказывал: из этой троицы сносно говорить можно разве что с мальчишкой.

Потому он вежливо сложил ладони перед Тан Шаотаном, поклонился и, улыбаясь, обратился к Фань Сяо: «Чем могу служить?»

От улыбки его щёки разъехались, залежалые морщины углубились.

Фань Сяо: «Дедушка, мы три брата. Это мои старшие братья. Мы пришли заказать надгробную плиту.»

Старик Нью закивал: «А-а, понятно, понятно. Вот только не свезло вам, пожалуй, зря путь-дорожку топтали.»

Фань Сяо ещё не успел спросить, как сзади вмешался А Цзю: «А что за невезение?»

Старик Нью развёл распухшими, красными ладонями: «Годы уже не те, руки-ноги не слушаются. По недогляду придавил руку, несколько месяцев, поди, работать не смогу.»

А Цзю наклонился вперёд, краем глаза скользнув по повреждённой руке старика.

Рана действительно была от удара. И свежая, очень свежая.

Выходит, и вправду «не повезло».

А Цзю окинул двор взглядом и внезапно спросил: «А где же ваш почтенный сын?»

Старик Нью изумился и заерзал: «Э-э, да что вы... что значит?»

Фань Сяо тоже поразился, проследив за взглядом А Цзю к каменной гряде во дворе. А тот меж тем усмехнулся и ответил: «Дедушка, инструментов у вас два комплекта. Один весь в ржавчине, будто давно не трогали, — это, поди, ваш. А второй...»

А Цзю неспешной походкой приблизился к гряде, поднял молоток, сдул с него пыль и закончил: «...ещё в серо-белой каменной пыли, им только что пользовались. Слыхал я, в Фэньюане залётных подмастерьев нет, ремесло от отца к сыну переходит, из поколения в поколение. Так что...»

А Цзю повторил: «Где же ваш почтенный сын?»

Старик Нью вытирал проступивший на лбу холодный пот, его распухшие руки слегка дрожали.

...

Всю жизнь старик Нью был честным и простым человеком. Детей у него было трое. Старшие, недополучив в младенчестве пищи, умерли совсем маленькими. Потом, уже на склоне лет, родился сын. Муж с женой молили, чтобы мальчик вырос здоровым, унаследовал семейное ремесло Нью и, сложив три иероглифа «камень», нарекли его Лэй.

Нью Лэй оправдал надежды. С малых лет был смышлёным, а уж в ремесле и вовсе превзошёл отца. Старики радовались, лишь бы сын поскорее вырос, обзавёлся семьёй, подарил им внуков — вот тогда и настанет покойная старость.

Но не прошло и нескольких лет, как жена занедужила. У старика Нью не было денег ни на врача, ни на лекарства. Пришлось смотреть, как болеет и чахнет его спутница жизни, пока та наконец не отправилась в мир иной. По иронии судьбы, первой надгробной плитой, что вырезал Нью Лэй, первым именем, что он высек, стало имя его матери.

Прошли ещё годы. Нью Лэй достиг возраста, когда пора жениться. Старик Нью стал искать сваху, но денег на красноречивую профессиональную сваху не было. Пришлось кланяться и унижаться перед кем попало. В конце концов сунул несколько медяков одному назойливому старому соседу, чтобы тот согласился помочь. Старый сосед взял деньги, а через несколько дней воротился с одним лишь словом: «Девушка вашего сына невзлюбила. Говорит, бизнес ваш, надгробиями торговать, — дурная примета. Смените сначала ремесло.»

Сменить? Всё ремесло рода Нью — только это одно. Как его сменишь-то?

Так дело женитьбы Нью Лэя и застопорилось на долгие годы. Старик Нью не дождался ни невестки, ни внуков, а лишь видел, как сын его становится всё молчаливее и угрюмее.

И вот однажды Нью Лэй вернулся с улицы, держа в руках увесистый серебряный слиток, и сказал отцу: «Богатство ищут в опасности.»

С той поры дела старика Нью и его сына пошли в гору непонятным образом.

<http://bllate.org/book/16258/1462557>